

Бянь Хун шёл один, вновь повторяя пройденный когда-то путь; всё вокруг казалось одновременно и знакомым, и чужим. Горы, реки и озёра оставались теми же, лишь укрылись сплошным покровом белого снега, а вот человеческий мир изменился заметно. Придорожные чайные лавки, что прежде встречались на каждом шагу, из-за лютых холодов давно исчезли. Некоторые постоянные дворы ещё принимали путников, но стоило Бянь Хуну войти, и оказывалось, что большинство из них давно сменили хозяев, и ни одного знакомого лица не осталось. По заснеженным дорогам было трудно идти, дальних поездок почти не совершали, поэтому хозяева старались удержать редких гостей: и перекус, и ночлег стоили совсем недорого.

Бянь Хун старался беречь себя. Он не выбирал ночёвки под открытым небом: без Жун Фэна рядом он в одиночку не мог справиться с непредсказуемыми опасностями холодной дикой ночи. При этой мысли он неожиданно замер. Похоже, он уже привык к тому, что тот мужчина находится рядом. Пусть молчаливый, почти не подающий голоса, но обладающий странной способностью - даже среди пустошей, где по ночам кружат волки, сохранять спокойствие и внутренний покой.

Бянь Хун сидел в маленькой комнатке на втором этаже постоянного двора, где в жаровне тлели угли. Он заставил себя не думать о Жун Фэне, отогнал лишние мысли и заказал лишь чашку горячего бульона, съев его вместе с тем сухим провиантом, что нёс с собой.

Постоялый двор был невелик, но, к счастью, здесь можно было укрыться от ветра и снега, а жаровня грела исправно. Бянь Хун, не раздеваясь, лёг на кровать, однако не стал укрываться местным одеялом. Это ватное покрывало, неизвестно сколько лет прослужившее и через скольких постояльцев прошедшее, по краям, где когда-то была вшита белая тесьма, выглядело так, будто его закаляли в кузнице: оно почернело и пропиталось тяжёлым, смешанным запахом человеческого жира.

Он отодвинул его подальше и укрылся лишь новой шкурой, выделанной Жун Фэном: густой, мягкой и тёплой. Если принюхаться, в ней чувствовался лёгкий аромат трав и древесины, должно быть, чем-то окуривали.

Как у него всё это выходит? - подумал Бянь Хун. Стоит тому оказаться в горах и лесах, вернуться в свою стихию, и он будто преображается: весь исполненный силы и уверенности, словно царь, которому всё по плечу. Рядом с таким человеком поневоле хочется идти следом, не зная тревог.

Но почему он опять думает о нём?

Бянь Хун раздражённо перевернулся на другой бок, плотнее закутался в мех и решил уснуть.

Когда его уже начинала одолевать дремота, снаружи вдруг послышался шум и гомон. Бянь Хун насторожился, поднялся и приоткрыл дверь, выглянув вниз, в зал на первом этаже постоянного двора. Пользуясь метелью, в постоялый двор ввалилась шайка людей - у каждого на поясе висел длинный нож, а за кушаком была заткнута полоска жёлтой куньей шкуры, явный знак их

«разбойничьего» ремесла.

Бянь Хун тут же юркнул обратно в комнату и стал внимательно прислушиваться к происходящему внизу. Похоже, они кого-то преследовали, но потеряли след и теперь зашли в постоянный двор поискать.

К счастью, в такие смутные времена держать постоянный двор без серьёзной опоры было невозможно, иначе он бы давно не устоял. Вскоре появился хозяин. Язык у него был подвешен что надо: он умел и льстить, и припугнуть к месту, к слову упомянул племянника из городской стражи с законной стороны, а заодно намекнул, что с четвёртым главарём с Паньлуншани из незаконной стороны они давние знакомцы. Полуласково, полугрозно он разрядил обстановку, и шайка заметно поумерила пыл, стала куда вежливее.

Стало ясно: где бы ты ни был, без людских связей и негласных правил не обойтись.

Бянь Хун наконец перевёл дух и вернулся к постели. Но в этот момент он заметил, что деревянное окно, выходящее на боковую сторону, вдруг оказалось приоткрыто. В комнате жгли угли, поэтому окно обычно не закрывали наглухо, но кто бы мог подумать, что кто-то сумеет взобраться на второй этаж и проникнуть внутрь прямо через него.

Бянь Хун едва успел увидеть, как человек, весь израненный и закутанный в алый халат, перевалился через подоконник в комнату, как в тот же миг выхватил из-за голени изогнутый клинок и без колебаний замахнулся, намереваясь срубить незваного гостя.

Тот был невысок ростом, с алыми губами и белыми зубами, на редкость красивый собой. Он всего лишь рассчитывал наспех забраться в чужую комнату и переждать здесь ночь, но никак не ожидал наткнуться на столь опасного человека, который, не раздумывая, выхватит нож и пойдёт на него. К тому же он и без того был тяжело ранен, поэтому тут же поспешил взмолиться о пощаде.

— Герой, пощади! — торопливо проговорил он. — Я - второй главарь Цинъюньшани, по прозвищу «Алый клинок». Мы «разбойники по справедливости», никогда не притесняли простой народ. Сейчас меня преследуют враги, и я молю тебя спасти мне жизнь!

Бянь Хун остановился и сделал шаг назад. Не потому, что поверил этим словам и проникся желанием помочь, просто он не хотел навлекать на себя лишние неприятности. Если бы та шайка лютых бандитов, что сидела на первом этаже, узнала, что беглец прячется у него, они без сомнений расправились бы и с ним заодно.

Лучше меньше дел и меньше бед. Бянь Хун убрал клинок и жестом указал человеку спрятаться под кровать, после чего распахнул окно, чтобы выветрить запах крови. Вскоре несколько разбойников под предводительством хозяина постоянного двора поверхностно осмотрели пару комнат. Обе стороны держались вежливо, без лишних придирок, и, не обнаружив ничего подозрительного, ушли. Было ясно: эти люди весьма опасались сил, стоящих за владельцем.

Вскоре после того, как шайка разбойников ушла, человек в алом выбрался из-под кровати, опустился на одно колено и, сложив руки в приветственном жесте, поклонился Бянь Хуну.

— Благодарю тебя, герой, за спасённую жизнь. Я, Идао Хун, всегда отплачиваю за оказанную милость. Если в будущем у благодетеля возникнут трудности, достаточно будет предъявить эту вещь на горе Цинъюнь и назвать моё имя.

С этими словами он бросил Бянь Хуну кисть с нефритовой подвеской, снятую с рукояти ножа, коротко распрощался и вновь исчез за окном.

Бянь Хун молча смотрел на оказавшийся у него в руках нефритовый темляк с вырезанным именем Идао Хуна. Судя по сегодняшним событиям, ещё и обращаться за помощью, прикрываясь этим именем, разве ему жить надоело?

Он было хотел выбросить эту вещь, но, поразмыслив, махнул рукой: пусть будет. Не глядя сунул её в котомку и снова лёг спать. На этот раз окно он плотно закрыл, оставив лишь небольшую щель в двери, выходящей в коридор второго этажа, чтобы выходил угарный газ.

Хозяин постоялого двора внизу за прилавком перебирал счёты, сводя бухгалтерию. Заметив, как на втором этаже на мгновение приоткрылась дверь, он лишь мельком взглянул вверх и сделал вид, что ничего не заметил, после чего, облизнув палец, спокойно продолжил листать книгу счетов.

Никого не следует наживать себе во враги, стоять нужно посередине. Это было его правило. Те же, кто этого не понимал, давно уже лежали в земле, и на их могилах трава вымахала в восемь чи.

На рассвете следующего дня Бянь Хун расплатился за постой и рано тронулся в путь. Чужие разбойничьи распри и кровавые счёты его не касались, он лишь держал данное слово и шёл забрать тела нескольких старых знакомых.

Чем ближе он подходил к границе, тем безлюднее и пустынное становились места. Он шёл, ориентируясь по памяти, перебываясь на ходу, ночуя где придётся, и в конце концов добрался. Всё было по-прежнему, словно он лишь вчера вернулся из похода: тот же пейзаж, та же тяжесть, будто кровь всё ещё была на нём, въевшаяся, не смываемая никакой водой.

— Кто стоит у ворот? Военный лагерь, посторонним задерживаться запрещено!

Бянь Хун почувствовал, как у самых ноздрей сгущается тяжёлый запах крови, стиснул зубы и молча достал дорожную грамоту и письмо, выданное по линии армии Хубэнь.

— Младший офицер гвардии Хубэнь, уволенный в запас. По просьбе старых товарищей... пришёл... пришёл забрать тела.

Караульные солдаты на мгновение опешили, переглянулись, и один из них тут же, с неожиданной вежливостью, пригласил Бянь Хуна следовать за собой. Отношение изменилось мгновенно.

— Значит, вы бывший боец гвардии Хубэнь. За телами нужно пройти регистрацию и встать в очередь, сейчас это на южной стороне лагеря. Но придётся подождать: некоторых ещё не собрали целиком. Великий наставник государства сам руководит работой, иглой, стежок за стежком... Эх, слишком уж страшная была сеча.

Бянь Хун наконец задал вопрос, который мучил его всю дорогу, не давая ни сна, ни покоя:

— Мы правда потерпели поражение?

Солдат, словно испытывая к бывшему бойцу гвардии Хубэнь особое уважение, отвечал ему с редким терпением и ничего не утаивал.

— Да, поначалу проиграли. Засуха, голод, зерна не хватало даже простому народу, а в армии и подавно. Потом враг ещё и внезапно ударил по нашим складам с провиантом, люди и кони обессилели, вот и проиграли сражение.

Но тут же он добавил:

— К счастью, Великий наставник сам прибыл на передовую. Он возглавил гвардию Хубэнь, прорвался через несколько линий обороны, совершил дерзкий рейд через тысячу ли, взял главаря, как говорится, бей по вожаку, и стая рассыплется. Вождя Цян-у схватили, и после этого начались переговоры. Война, считай, наконец подошла к концу.

Бянь Хун почувствовал, как тяжесть, всё это время сжимавшая грудь, наконец отпускает.

— Вот как... значит, договорились о мире.

Мир - это хорошо. Больше не нужно воевать: кто-то сможет вернуться домой, кто-то снова заняться хлебом. А когда поля наполнятся ароматом спелой пшеницы, наконец настанет добрый год.

Но Бянь Хун шёл дальше и вдруг почувствовал, что места вокруг слишком знакомы. Он оглядел похожие до боли овраги и тропы и внезапно остановился.

— Подождите... Разве здесь не стоял лагерь гвардии Хубэнь? Как же... как же...

Как же здесь пусто.

В глазах солдата мелькнула скорбь; глядя на Бянь Хуна, он не скрывал жалости. Тяжело вздохнув, он был вынужден продолжить:

— Эх... всех выбили. Одни отказались отступить после поражения, все полегли на поле боя. Другие подписали смертные грамоты и вместе с Великим наставником ушли в самое сердце вражеских земель, чтобы захватить вождя Цян-у. А потом, прикрывая отход... тоже все...

Бянь Хун застыл на месте.

За всю его недолгую жизнь, кроме горной деревни рода Минь, именно гвардия Хубэнь была тем местом, где он задержался дольше всего. Тем местом, откуда он когда-то изо всех сил стремился вырваться, где страдал, притуплённый бесконечной резнёй. Но он не мог не признать: три года военной жизни стали частью того, что сформировало его как человека. Пусть это была школа, залитая кровью, она всё равно влилась в его ещё хрупкую, неглубокую жизнь.

Армия научила его идти вперёд, выхватывать меч и нож, не склоняться и не отступить, быть храбрым и стойким. Даже если он больше не заставлял себя помнить чьих-то имён, слишком много лиц уже навсегда отпечатались в его памяти. Инструктор, всегда суровый и немногословный, но охотно рассказывавший о жене и детях; повар Ли - обычно грозный, с выпученными глазами, но неизменно накладывавший ему в чашку побольше мяса; старшины, младшие офицеры, командиры, генералы...

Глядя на обширную, запустевшую и безмолвную территорию бывшего лагеря, Бянь Хун внезапно всё понял. Он снова потерял место, которое мог бы назвать «родиной».

Солдат, видя, как Бянь Хун бьёт дрожь всем телом, решил, что тот просто убит горем. Эта победа была выкована живой, несломленной кровью гвардии Хубэнь, и даже они сами проливали по ней слёзы. Что уж говорить о человеке, который когда-то стоял с павшими плечом к плечу.

Бянь Хун крепко сжимал пальцами край своего плотного ватного халата, изо всех сил вцепившись в мягкий мех, обмотанный вокруг шеи, и, напрягая всё тело, пытался сдержать дрожь, заставляя себя глубоко дышать. Он снова и снова твердил себе: вдох и медленный выдох. Жизнь бесценна, а мир достаётся слишком дорогой ценой.

И в этот самый момент неподалёку, у одного из шатров, раздалась суматоха: несколько человек, запыхавшись, несли кого-то на носилках и громко звали военного лекаря, умоляя спасти жизнь. На деревянной раме лежал совсем ещё молодой солдат. Видно было, что в бою он получил ранение в руку, но теперь рана разошлась, и кровь хлестала так, что залила всё вокруг. Лазарет находился далеко, и было ясно: пока его донесут туда, он, пожалуй, истечёт кровью.

Бянь Хун резко втянул воздух, затем одним быстрым движением «шшх» рванул подол своей верхней одежды и бросился к носилкам. Те, кто нёс раненого, были в полной растерянности и приняли его за помощника, никто даже не попытался его остановить: в военном лагере чужих людей не бывает.

Сопровождавший Бянь Хуна солдат не успел его остановить: бывший младший офицер гвардии Хубэнь стремительно ринулся к раненому. Он вскочил на деревянные носилки, опустился на колени прямо на тело солдата и, стиснув зубы, туго перетянул его плечо полосой ткани, затягивая жгут изо всех сил. На лбу вздулись жилы, он не ослаблял хватки ни на мгновение, пока носилки не донесли до шатра лекаря.

После суматошной, лихорадочной помощи раненому всё-таки удалось спасти жизнь. А бывший боец гвардии Хубэнь стоял перед шатром, с руками, перепачканными кровью. Он обернулся, моргнув своими тёмными глазами и вдруг совершенно спокойно сказал:

— Пойдём. Веди меня забирать тела.

Солдат на мгновение опешил, а затем поспешно закивал:

— Да-да, конечно... Прошу, сюда, сюда.

В ледяном снегу покоились тела павших героев, чтобы сохранить их посмертное достоинство. На ограждённой площадке, где хранили погибших, Бянь Хун увидел уже собранные тела Гао Чанфу, Чжао Сань Юя и Лян Эркуаня. Там же он увидел и Великого наставника-дашуая: тот сидел прямо на снегу, закутанный в окровавленную лисью шубу, и по кусочкам, терпеливо и аккуратно сшивал тела павших солдат.

Дашуай оказался совсем не таким, каким Бянь Хун его представлял. В нём не было ни тени отрешённой величавости: перед ним был болезненно худой, хрупкий, удивительно тихий пожилой книжник. Рядом с ним стоял высокий, небрежно одетый мужчина средних лет - то ли телохранитель, то ли давний соратник.

Едва они приблизились к лагерю, как тот сразу всё заметил и повернулся к ним; в глазах его вспыхнул холодный свет, острый и цепкий, как у ястреба. Он лишь мельком оглядел сопровождавшего солдата и Бянь Хуна. Солдат поспешно поклонился, доложил цель визита и передал дорожное свидетельство и письмо Бянь Хуна. Дашуай продолжал работать, его руки ни на миг не останавливались. Подошёл лишь высокий мужчина: он взял дорожный документ и внимательно его изучил.

Он сверял бумагу с самим Бянь Хуном, проверяя подлинность личности - пособие погибшим воинам было немалым, и следовало исключить любые попытки присвоения. Однако, заметив, что Бянь Хун - ланьцзюнь, он на мгновение задержал взгляд; затем, увидев в дорожной грамоте имя человека, с которым тот состоял в общем домохозяйстве, он снова замер. Мужчина даже отложил документ, несколько раз обошёл Бянь Хуна кругом и особо взглянул на изогнутый нож, закреплённый у него на голени. После этого он погладил подбородок, кивнул и задал

вопрос, казалось бы, совершенно не относящийся к делу.

— Ты уже родил ребенка?

Бянь Хун нахмурился, решив, что этот человек попросту не в своём уме. За годы службы ему не раз приходилось сталкиваться с сомнениями в его статусе ланьцзюня по имени «Минь Си», но стоило людям увидеть его боевые заслуги и они благоразумно умолкали.

Такого, чтобы с порога спрашивали, родил ли он детей, ещё не бывало.

Бянь Хун молча покачал головой. Тот, заметив, что состояние у него неважное, на мгновение задумался, затем достал из-за пазухи узкий нефритовый флакон и сунул его Бянь Хуну в руку.

— Возьми с собой. Если в груди будет тесно и тяжело, съешь несколько пилюль, полегчает.

Бянь Хун хотел отказаться, но мужчина лишь махнул рукой и направился обратно к дашуаю. Уже отворачиваясь, он бросил напоследок:

— Возвращайся домой. Живи как следует.

Солдат рядом, напротив, заметно занервничал и стал вполголоса подгонять его:

— Берите, берите скорее. Раз господин дал, значит, так надо. Он, верно, из жалости к вам, как к бывшему бойцу гвардии Хубэнь, и одарил. Не отказывайтесь. Собирайтесь и пойдём со мной получать тела и пособие.

Бянь Хун не стал тянуть время. Напоследок он ещё раз взглянул на тех двоих и, развернувшись, ушёл вслед за солдатом.

Людей, пришедших за телами, оказалось немало. В основном жёны, дети, старики. Они рыдали, прижимаясь к остывшим телам, плач стоял сплошной стеной, а затем дрожащими руками они принимали компенсацию на рис, на муку, на семена к весне, лишь бы семья смогла выжить.

Бянь Хун держал в руках холодный, тяжёлый мешочек с серебром и смотрел на застывшие лица бывших товарищей по оружию, уложенных на дощатую повозку. Глаза жгло, будто их обдали огнём, но слёз не было ни капли - сухо, до боли.

У ворот лагеря стояло немало воловьих повозок для живых. Конных экипажей почти не было: лошади в большинстве своём давно были реквизированы в армию и ушли на войну в качестве боевых коней. Лишь малая часть осталась при почтовых станциях, обычному народу такие и не снились.

И в этот момент со стороны лагеря донеслось ржание. Бянь Хун обернулся и увидел: в войсках собирались избавиться от больных лошадей.

Человек может быть ранен, и конь тоже. Человека ещё можно лечить, а коня - уже нет. Лекарств в войске не хватает даже для людей, не говоря о тягловых и боевых животных. Когда приходится выбирать, спасают человека, иного выбора просто не существует.

Но, обернувшись, Бянь Хун вдруг увидел знакомый силуэт: гнедая масть, белые «чулки» на всех четырёх ногах, теперь залитые кровью. Конь бился, ржал от боли, издавая протяжный, мучительный крик.

Чтобы избавить тяжело раненых или безнадежно больных боевых коней от страданий, их обычно убивали быстро, не позволяя умирать в муках. Острие длинного копья уже было наведено прямо в грудь животного, в самое сердце.

Бянь Хун резко развернулся и бросился к лагерю. Солдаты попытались его остановить, но он, прорываясь сквозь них, закричал во весь голос:

— Не убивайте его! Я... я выкуплю его! Я заберу его с собой!

Боевой конь повернул голову. Увидев Бянь Хуна, он вдруг всхлипнул, и из его налитых кровью глаз покатались слёзы.

Это был тот самый конь, что когда-то служил ему. Они провели вместе несколько лет. У него не было имени, в войске его просто звали «лошадь». Ему было суждено всю жизнь воевать, всю жизнь носить на себе людей.

И вот внезапная встреча со старым знакомым. Конь смотрел на него, и из его глаз текли слёзы.

Бянь Хун сжимал в руке холодный кошель с серебром. Теперь он знал, на что пойдут эти деньги. Позади словно молча лежали «трое братьев», и они тоже видели: это был их товарищ, боевой конь гвардии Хубэнь.

И потому тысяча лян за коня.

У лагеря некоторые люди забирали тела павших и уносили их на плечах, пешком, домой. Бянь Хун с горькой усмешкой посмотрел на своё худощавое тело, потом на хромающего раненого коня, и понял, что так он не справится. Тогда он отыскал опытного старого возчика.

— Дорога будет горная, — предупредил он.

— Как прикажете, — ответил старик. — Лишь бы плата за упряжь была, а уж куда ехать, мне

всё равно.

Бянь Хун обыскал себя и смутился: денег почти не осталось. Но вдруг, в потайном кармане узла, он нащупал ещё один кошель. Раскрыв его, он увидел внутри серебряные слитки, те самые, которыми обычно расплачивался Жун Фэн.

Бянь Хун прижал кошель к груди и долго стоял, опустив голову. Затем поднял лицо и окликнул старика.

— Пожалуйста, отец, доведите нас, братьев, хоть часть пути.

— Ладно! — отозвался возчик. — Держитесь крепче!

Он щёлкнул кнутом, и деревянная повозка, заскрипев, тронулась в путь, увозя вместе живых и мёртвых.

В дороге было тихо. Старик почти не говорил, лишь изредка спрашивал о направлении. Те, кто зарабатывает этим ремеслом, знают: когда везёшь «повозку жизни и смерти», возвращаешь усопших на родину, больше всего требуется молчание.

Конь был ранен в таз, идти ему было тяжело, и потому его уложили на телегу. Он был исхудавшим, кожа да кости, весил совсем немного. И всё же Бянь Хун сошёл с повозки и шёл пешком позади бычьей упряжки всю дорогу.

Так, после долгого пути, они вновь приблизились к границе округа. Жун Фэн, прикинув срок возвращения Бянь Хуна, каждый день находил время приходить сюда и ждать. И вот однажды он увидел издали: к нему медленно приближается бычья повозка, которой правит седой старик. Юный ланьцзюнь в одиночестве брёл за бычьей повозкой. Медленно падающий снег укрыл его с головы до ног, лишь оставалась видна пара тёмных глаз. Горы и леса вокруг были безмолвны, сумерки сгущались. Он шёл, запинаясь и шатаясь, везя за собой три холодных тела товарищей и старого коня, не знающего дороги.

Вечерний сумрак - сизый хребет далёк.

Метель и снег ждут путника у ворот*.

(ПП: Это отрывок из стихотворения Лю Чанцина «Ночевка в доме господина с горы Фужун в снегу» времен династии Тан.)